

ПРЕДМЕТЫ УРАРТСКОГО ВООРУЖЕНИЯ

Раскопки Кармир-блуре дали большое количество бронзовых и железных предметов вооружения, часто хорошо датированных вычеканенными на них клинообразными надписями, содержащими имена урартских царей.

За двенадцать истекших лет работ экспедиции обнаружено: шесть шлемов, одиннадцать щитов, четыре образца пластинчатых панцирей, двенадцать колчанов, некоторые заполненные стрелами, два железных меча с бронзовыми рукоятками, многочисленные железные кинжалы, наконечники копий и дротиков.

Эти предметы позволяют нам с полной достоверностью восстановить облик урартского воина VIII—VII вв. до н. э. Они отчетливо подтверждают предположение о том, что в это время урартское вооружение было весьма близким к ассирийскому, тогда как раньше, в IX в. до н. э., урарты были вооружены по хеттскому образцу¹.

Многочисленные изображения воинов на рельефах во дворцах ассирийских царей, особенно Ашурнасирпала II, Саргона, Синахериба и Ашурбаинпала, помогают нам выяснить назначение, применение и способ ношения многих из найденных на Кармир-блуре урартских предметов.

Точно датированное урартское вооружение, аналогии которому в большом числе можно встретить в могильниках Закавказья, а в меньшем количестве — Северного Кавказа, имеет важное значение для датировки памятников закавказской культуры. С другой стороны, лишь при учете этого материала можно подойти к правильному решению вопроса о влиянии урартской материальной культуры на Закавказье и Северный Кавказ. Учет этого материала покажет, действительно ли урартские железные предметы, проникшие в Закавказье, вызвали там быстрый переход к широкому применению железа, с использованием богатых местных железных руд.

Шлемы. Урартские боевые шлемы по своей форме очень близки к ассирийским — это простой остроконечный шишак, имеющий на нижнем краю, около висков, две петли для прикрепления ремня. Ассирийский шлем этого типа был найден при раскопках в Фивах, в Египте², а многочисленные изображения остроконечных шлемов можно видеть на релье-

¹ С. М. Бацнева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию. Вестник древней истории, 1953, № 2, стр. 27.

² W. M. Flinders Petrie, Six temples at Thebes, pl. XXI.

фах дворца Ашурнаирпала II в Калху. Там, на крупных фигурах воннов, можно даже заметить детали украшений шлемов — выпуклые полосы нижнего края, нечто вроде полукружья и отдельные выпуклые линии на лобной части.

Подобные украшения имеются и на предметах из наших раскопок. Так, шлем, найденный в 1948 г. в помещении № 18 (Кармир-блур, I, стр. 56, рис. 33), имеет четыре выпуклые полосы по нижнему краю и вертикальную линию на лобной части. А на шлеме, обнаруженном в помещении № 24, в том же 1948 г. (Кармир-блур, I, стр. 59, рис. 38), на лобной части помещен крупный выпуклый знак, в котором я усматривал перун бога громовика Тейшебы. Такой же знак, с небольшим отличием, выражающемся в том, что вертикальная полоса в верхней части отделена от нижней части, имеется на шлеме, найденном в 1953 г. в помещении № 37.

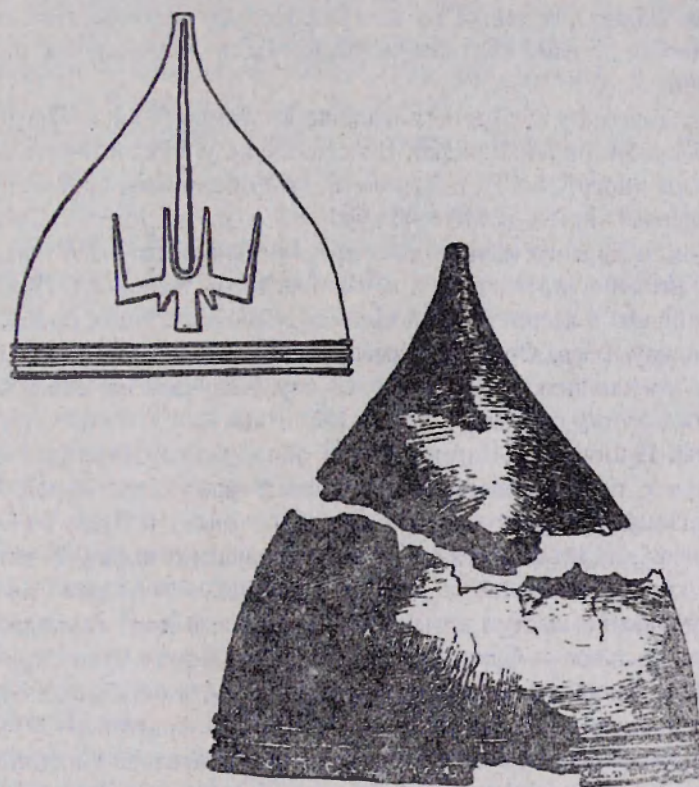

Рис. 16. Бронзовый шлем с надписью Аргишти I (пом. № 37).

По нижнему краю шлема, между третьей и четвертой полосой вычеканена круговая клинообразная посвятельная надпись урартского царя Аргишти, сына Менуа.

ḫal-di-e e-ú-ri-e i-ni ku-bu-še-[e] ḫar-[gi-iš-ti]-še me-nu-a-ḫi-pi-[še uš]-tú-ni «Богу Халди, господину, этот шлем Аргишти, сын Менуа, подарил».

К раскопанным шлемам, украшенным изображениями урартских богов, боевых колесниц и всадников, относятся три шлема. Один из них, найденный в 1950 г. в кладовой № 28 (Кармир-блур, II, стр. 38, вклейка у стр. 40), имел посвяtitельную надпись Аргишти, сына Менуа. Другой, из раскопок 1947 г. в кладовой № 10 (Кармир-блур, I, стр. 63, рис. 40, а-в), принадлежал Сардури, сыну Аргишти. Третий же, обнаруженный в 1952 г. в кладовой № 36, около группы колчанов, был совершенно разрушен окисью. На нижнем краю шлема удалось различить лишь отдельные знаки посвяtitельной надписи, а из изображений расчистить части фигур божеств, помещенных, так же как и на вышеотмеченных шлемах, в рамку из восьми сказочных змей со львиными головами. Имя урартского царя, посвятившего этот шлем, установлено не было.

Мне уже приходилось указывать на то, что шлемы царей Аргишти I и Сардури II отличны друг от друга по стилю изображений, при полном тождестве сюжета, а также по эпиграфическим особенностям клинописи. Нет сомнения в том, что они изготовлены и расчеканены различными мастерами.

Металлические шлемы в могильниках Закавказья и Северного Кавказа встречаются крайне редко. В могильнике у дороги Бешташен — Сафар Хараба (погр. № 13), в Триалети, был обнаружен сильно поврежденный бронзовый шлем конической формы с двумя выступами-наушниками¹. Обломок другого конического шлема происходит из Абхазии и относится к комплексу предметов т. н. «кобанского» типа (сел. Приморское)². Больше общего с ассирийскими шлемами имеет обломок бронзового шлема из Фаскау (Сев. Осетия)³, имеются сведения, что один бронзовый шлем из могильника Верхняя Рутха украшен знаком, совпадающим со знаком на Кармир-блурском шлеме 1953 года.

Щиты. В цитадели Кармир-блур обнаружено одиннадцать бронзовых щитов с посвяtitельными надписями урартских царей VIII в. до н. э. — Аргишти I (7 щитов), Сардури II (3 щита) и Русы I (1 щит). Все щиты имеют характерную форму, напоминающую шляпу с полями. Диаметр их колеблется от 0,7 м до 1 м. Средняя часть щита представляет собою конический выступ на низком барабане, в двух случаях она имеет изображения львов и быков, расположенных в трех концентрических полосах, разделенных орнаментальными фризами, в остальных случаях щиты имеют ровную, гладкую поверхность. На борте щита, вокруг конического выступа, помещается клинообразная посвяtitельная надпись, обычно повторенная в двух строках (четыре щита имеют однострочную надпись). С внутренней стороны к щиту приклепаны три ручки, служащие для его подвешивания, одна крупная и две меньшие. Крупная ручка помещена в

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 68, табл. XI.

² Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X.

³ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа. Мат. по арх. Кавказа, V, 1900, стр. 276, рис. 211.

верхней части диска, по линии вертикального сечения, с наружной стороны ее положение определяется полусферическими гвоздиками, по три с каждого конца ручки. Меньшие ручки расположены радиально в левой и правой половинах верхней части щита, каждая ручка приклепана двумя гвоздиками.

Урартские щиты описанной формы нам хорошо известны по рельефам из дворца Саргона и по тексту из Ашура, описывающему восьмой поход Саргона против Урарту (Кармир-блур, I, стр. 63). Подлинные такие щиты были открыты при раскопках на Топрах-кале, около Вана, еще в 1879 и 1880 гг. Э. Клейтоном и О. Рассамом¹.

На Кармир-блуре бронзовые щиты обнаружены в следующих помещениях: 1) щит без надписи, пом. № 2, 1940 г., 2) щит Аргишти I, пом. № 3, 1940 г., 3) щит Аргишти I, пом. № 28, 1950 г., 4) щит Русы I, пом. № 28, 1950 г., 5) обломки щита Сардури II, пом. № 33, 1951 г., 6) щит Аргишти I, пом. № 34, 1951 г., 7) щит Аргишти I, пом. А, примыкающее с запада к пом. № 19, 1951 г., 8) обломки щита Сардури II, пом. А, 1951 г., 9) щит Аргишти I, пом. № 36, 1952 г., 10) щит Аргишти I, пом. № 36, 1952 г. и 11) щит Сардури II, пом. № 38, 1953 г.

Привожу транскрипцию текстов на щитах №№ 9 и 10 ⁴Hal-di-e e-ú-gi-e i-pi a-še ²Ar-gi-iš-ti-se ³Me-pu-a-ḫi-pi-še ¹⁰Ir-bu-pi-e-di (на щите № 10 ¹⁰Ir-e-bu-pi-e-di) uš-tú-pi ²Ar-gi-iš-ti-pi (на щите № 10 добавлено отчество ³Me-pu-a-ḫi...) ŠĀRRU DAN-NU ŠĀRRU al-su-i-pi (этот титул на щите № 10, повидимому, отсутствует) ŠĀRRU ¹⁰Bi-a-i-pa-ú-e a-lu-si ¹⁰Tu-us-ra paṭari «Бог Халди, владыке, этот щит Аргишти, сын Менуа, для города Ирбуни (вар. Иребуни или Еребуни) подарил. Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы».

Большой интерес представляет вариант написания имени города ¹⁰Ir (или Eḡ)-e-bu-pi. Первый знак в урартских надписях раскрывается фонетически как e-gi (ср. тексты Менуа, рассказывающие о победе над закавказским племенем Ерикуа (написания ²Eḡ(Ir)-ku-a или E-gi-ku-a). Это обстоятельство делает вполне вероятным предположения М. А. Исраелян и А. Б. Мирзоян о том, что имя города Еревана происходит от имени древней урартской крепости Ирбуни (по уточненному теперь чтению Еребуни), развалины которой сохранились на холме Арин-берд, на юго-восточной окраине Еревана².

Для города Еребуни был изготовлен, судя по тексту надписи, замечательный щит Аргишти, сына Менуа, обнаруженный в 1951 г. в помещении № 34. Щит этот украшен изображениями львов и быков, размещенными в трех концентрических полосах, разделенных орнаментом, пред-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, II, вып. 2, 1931, стр. 533; R. D. Barnett, *The Excavations of the British Museum at Toprak-kale near Van. Iraq. vol. XII*, 1950, стр. 1—43.

² М. Исраелян, Две новые урартские надписи. Изв. АН Армянской ССР, сер. общ. наук, Ереван, 1951, № 8, стр. 97 (на арм. яз.); А. Мирзоян, К вопросу возникновения названия Еревана, там же, 1951, № 11, стр. 98—99 (на арм. яз.).

соединяющим собою бутоны, связанные полукружьями. Такой орнамент имеется на обломке щита Русы, сына Эрмены, поступившем в Берлинский музей¹, а также на обломке колчана с изображениями львов и быков из помещения № 28 (Кармир-блур, II, стр. 37, рис. 20).

Фигуры животных на щите расположены с учетом вертикального положения предмета. В четырех секторах щита они расположены в разных стороны, так что ни одна из фигур не дана в перевернутом виде.

Рис. 17. Бронзовый щит с надписью Аргишти I (пом. № 34).

Во внешней полосе размещено 28 изображений львов, в средней 20 изображений быков, а в полосе, примыкающей к центру, всего 8 изображений львов. Центральная часть щита занята 38-лепестковой розеткой, подобно той, которая имеется на щите Британского музея².

Второй щит, украшенный изображениями львов и быков, был обна-

¹ C. F. Lehmann-Haupt, *Matérialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens*, Abhandl. der Königl. Gesellsch. der Wiss. zu Göttingen. Philol.—Hist. Klasse. IX, 3, 1906, стр. 35, рис. 70.

² Iraq. XII, 1950, табл. X, 1.

ружен в 1953 г., в помещении А. Он лежал на полу, выпуклой частью вниз.

На борту щита вычеканена однострочная клинообразная надпись:
^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mSAR₅-du-ri-se ^mAr-giš-ti-ḫi-ni-še [us-tú]-
^{-ú-ni} ^dHal-di-ni-ni al-su-i-[ši-ni] ^mSAR₅-du-[ri-ni] ŠÁRRU DAN]NU
 ŠÁRRU al-su-i-ni ŠÁRRU ^{ma}Bi-a-i-na-ú-e a-lu-si-e ^{du}Tu-uš-pa-e patari-e.
 «Богу Халди, владыке, этот щит Сардури, сын Аргишти, подарил. Халди
 величием Сардури, царь могучий, царь великий, царь страны Блайны.
 князь города Тушпы».

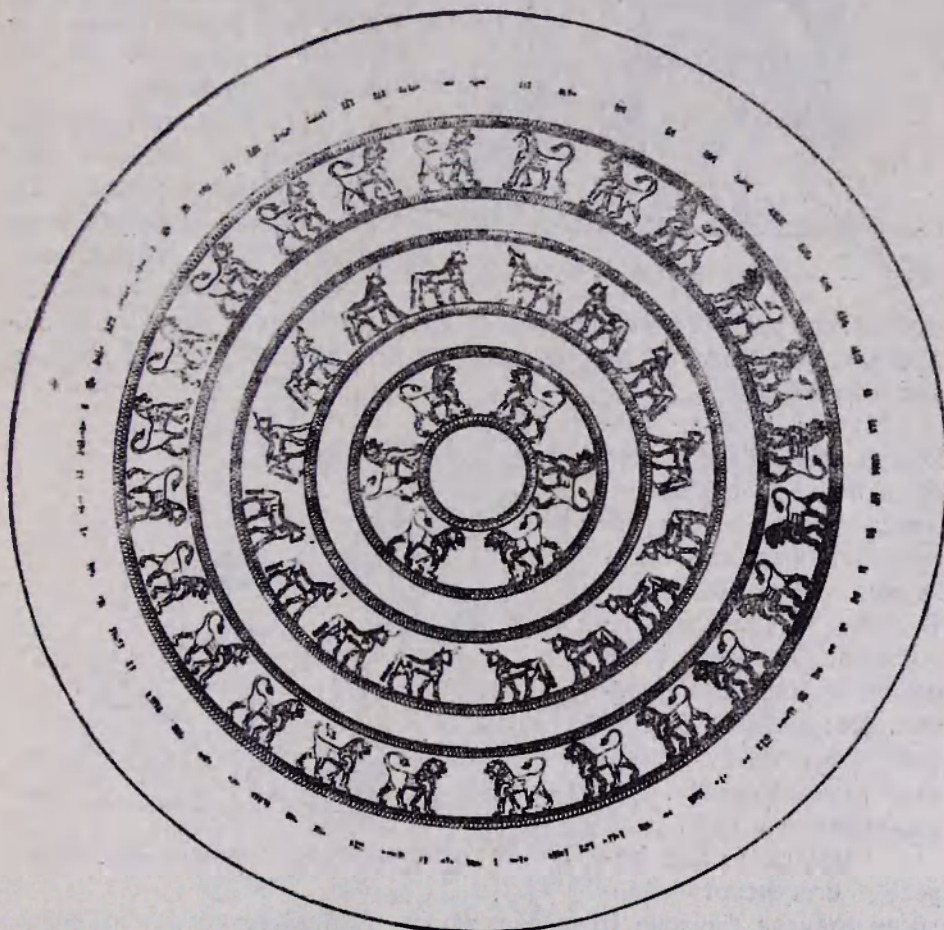

Рис. 18. Бронзовый щит с надписью Сардури II (пом. № 38).

Количество фигур животных на щите Сардури II меньше, чем на вышеописанном щите Аргишти I. Внешняя полоса содержит 24 изображения львов, средняя 16 изображений быков, верхняя полоса 6 изображений львов. Центральная розетка отсутствует, полосы, заполненные фигурами животных разделены орнаментальным пояском из бутонов, совпадающих с пояском на щите Аргишти I. Фигуры животных на щите Сардури II выполнены лучше, чем на щите Аргишти, расчеканка на них значительно

тоньше и детальнее. Нет сомнения в том, что эти два предмета изготовлены различными мастерами.

Панцырь. Остатки бронзового чешуйчатого панцыря на Кармир-блуре были открыты впервые в 1951 г. в помещении А, примыкающем к пом.

Рис. 19. Изображение льва на щите Сардури II.

№ 19. Там, на полу, обнаружена куча однотипных бронзовых пластинок, дл. 3 см и шириной 1,5 см. Нижний край пластин закруглен, в верхнем пробито по три отверстия, расположенных в ряд и служивших для их нашивки на основу.

Пластинчатый панцырь на древнем Востоке был широко распространен. На ассирийских рельефах часто изображаются воины, одетые в короткие панцырные

рубахи, без рукавов¹. Исследователи древневосточного вооружения допускали возможность изготовления такого панцыря как из металла, так и из кожи².

При раскопках „сокровищницы“ в Персеполе были найдены отдельные панцырные пластинки разной величины, как бронзовые, так и железные. В одном случае мелкие железные чешуйки были обтянуты листовым золотом. Все пластинки в верхней части имели отверстия для нашивания, расположенные в один ряд³.

Имеется также образец египетского панцыря времени фараона Шешонка, также составленного из нашивных бронзовых пластинок с закругленным нижним краем⁴.

Рис. 20. Изображение быка на щите Сардури II.

¹ P. E. Botta, E. Flandin, Monument de Ninive, P. 1849, I, табл. 77; II, табл. 94, 99, 145.

² H. Bonnet, Die Waffen der Völker des alten Orients, 1949, стр. 209.

³ E. F. Schmidt, The Treasury of Persepolis. Oriental Institute Communications, № 21 Chicago, 1939, стр. 44. рис. 27, в—е.

⁴ W. M. Flinders Petrie, Tools and Weapons. London, 1917, стр. 38, табл. XLII; W. Wolf, Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres, 1926, стр. 96.

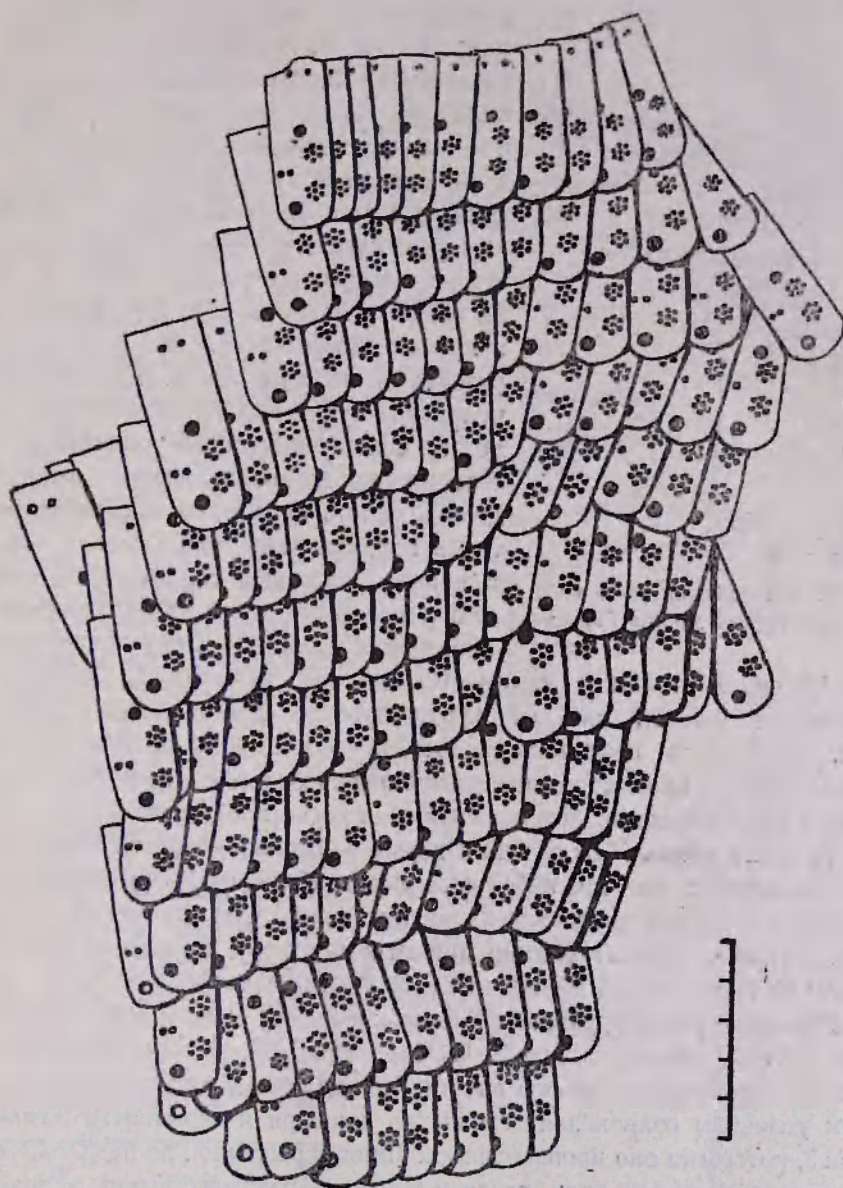

Рис. 21. Панцырь царя Аргишти I (пом. № 36).

Указанные примеры дают основания предполагать, что этот тип защитного вооружения был широко распространен на древнем Востоке.

Рис. 22. Ассирийский воин в панцире (рельеф во дворце Саргона).

Поэтому, находка великолепного пластинчатого панцыря в 1952 г., в помещении № 36, не была для нас неожиданностью. Панцырь лежал в собранном виде на полу, под кучей различных предметов. Одна из сохранившихся частей его дает полное представление о расположении чешуек, имевших различные размеры. На местах сгиба применялись чешуйки меньшего размера, чем на гладкой поверхности. Все пластинки, в правой своей части, были украшены розетками, из семи точек, выполненными чеканом, путем удара с обратной стороны. Среди множества пластинок, составлявших панцырь, можно выделить девять типов, причем некоторые из этих типов представлены единичными экземплярами.

Пластины первого типа самые многочисленные и их следует считать основными (длина 5,2 см, при ширине 1,7—1,9 см и толщине около 0,1 см). В верхней их части, на расстоянии 0,5—0,7 см от края, пробито два маленьких отверстия, смещенных несколько вправо. На средней вертикальной оси пластины, немного ниже середины, расположено большое отверстие. Другое такое же отверстие находится в нижней закругленной части пластины, но оно смещено влево. Между этими двумя большими отверстиями, у левого края, имеются еще две небольшие дырки. Количество отверстий на отдельной пластине и сложность их расположения указывают на то, что панцырь этот не состоял из пластин, нашитых на основу, а представлял собою рубаху из скрепленных между собою металлических чешуек¹.

Привожу реконструкцию системы крепления между собою пластин первого типа, предложенную В. С. Сорокиным. Крепление преследовало цель дать прочное соединение пластин между собою, удовлетворяя вместе с тем условиям сохранения гибкости панцыря и скрытности кожаных ремней, которыми оно производилось. Линии крепления, по предложенной реконструкции, проходили исключительно в горизонтальном направлении. Соответственно четырем рядам отверстий, каждая пластина скреплялась с другими в четырех местах. Однако посредством пары малых верхних отверстий она скреплялась с соответствующей пластиной выше расположенного ряда через ее большое отверстие в средней части. Это крепле-

¹ Система такого крепления описана в работе В. Thordeman, *The asiatic splint armour in Europe*, Acta Archaeologica, IV, 2—3, Kobenhavn, 1933, стр. 117—150.

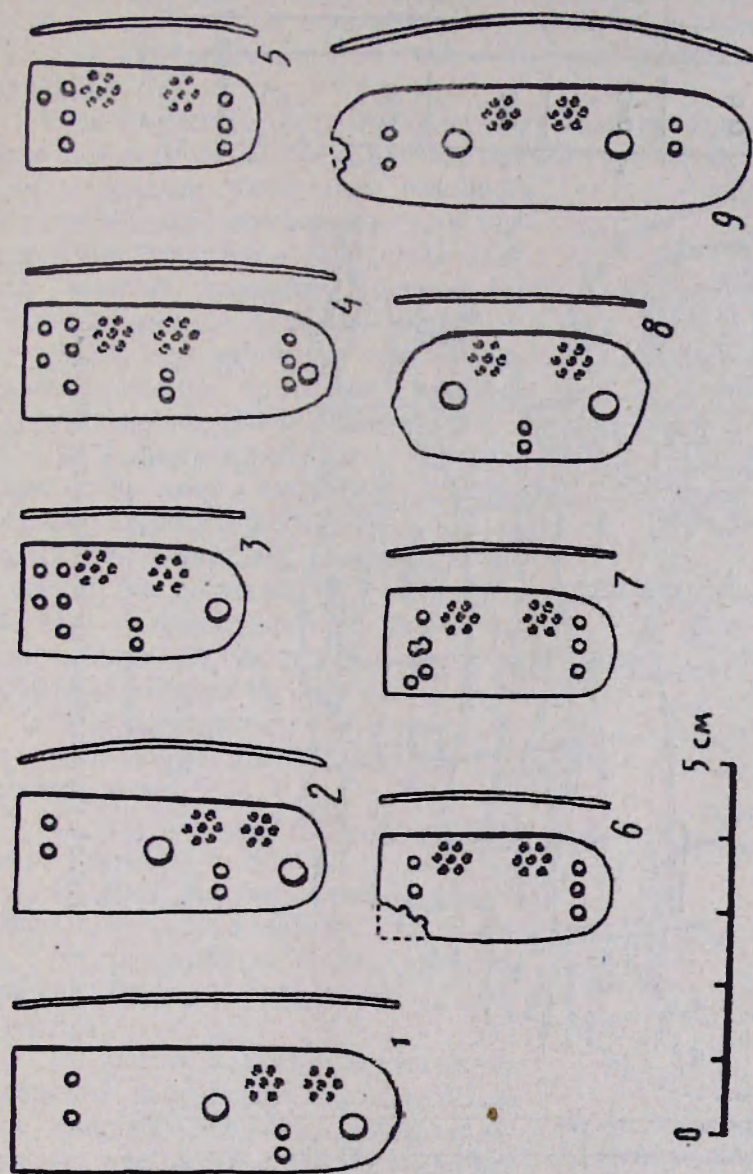

Рис. 23. Пластинки панцыря Аргиста I.

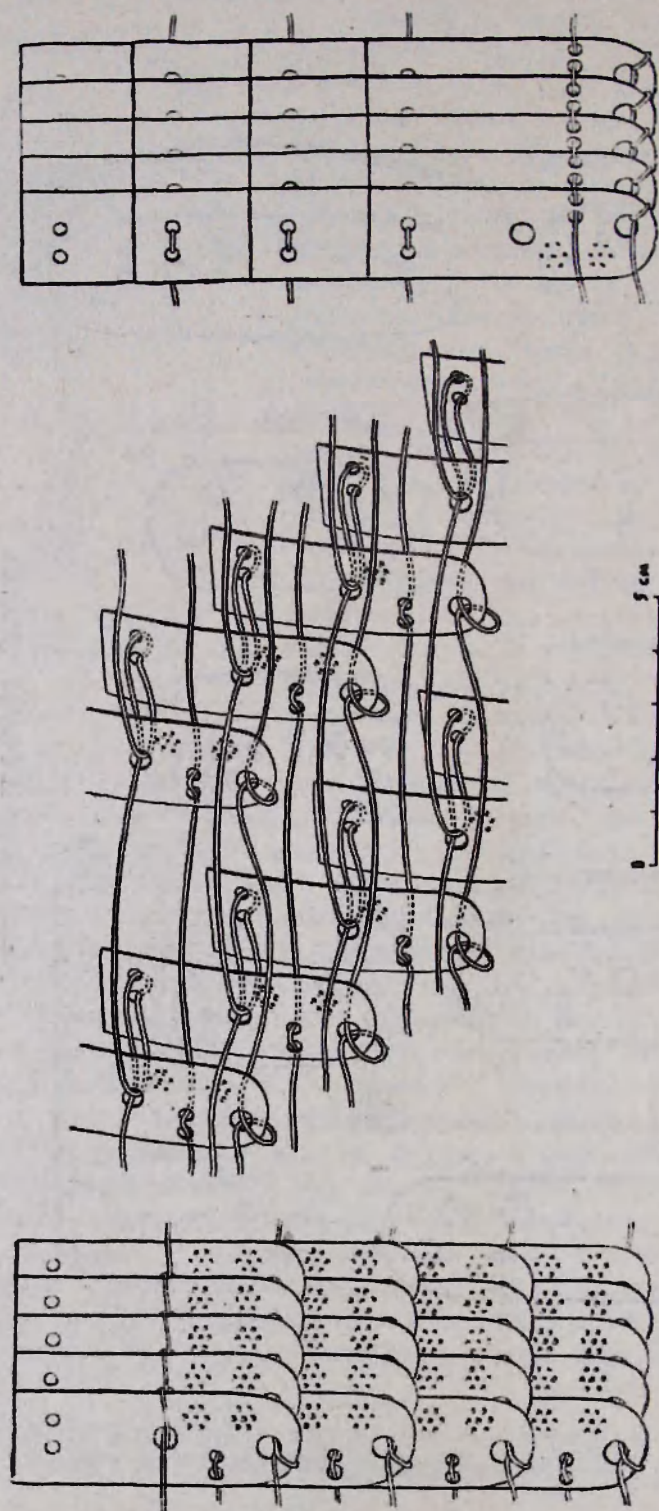

Рис. 24. Реконструкция крепления пластин панцыря.

нис создавало связанность рядов панцыря. Нижняя же пара малых отверстий, так же как и нижнее большое отверстие, служили скреплению пластин между собою в горизонтальных рядах.

Таким образом пластины каждого горизонтального ряда скреплялись между собою в трех местах. Это создавало прочность крепления, но в то же время не нарушало гибкость панцыря. Скрытность крепления достигалась как размещением отверстий на пластинах, так и способом продевания крепящих ремешков, что видно на прилагаемом чертеже реконструкции.

При предлагаемом креплении снаружи были видны только налегающие друг на друга пластины, украшенные в правой части розетками, в таком положении находились пластинки непо потревоженной при пожаре части панцыря. Нет сомнения в том, что описанное сложное крепление применялось лишь для панцыря большой ценности.

У нас есть основания считать описанный панцырь предметом царского вооружения, пожертвованного в храм.

В потревоженной части панцыря были обнаружены четыре бронзовые пуговицы, первоначальное положение которых, к сожалению, определить не удалось. Три пуговицы были разрушены окисью, но одна сохранила клинопись, помещенную как на лицевой, так и на оборотной стороне. На лицевой стороне, в двух concentрических строках, вокруг центральной розетки, имеется следующий текст:

1) *Hal-di-e e-ú-ti-e* 2) *i-ni kar-ka-ra-ni* *Ar-giš-ti-še NI'G.BA*

1) „Богу Халди, владыке, 2) этот панцырь Аргишти подарил“.

На оборотной стороне пуговицы краткий текст: *ša Ar-gi-iš-ti* „(царя) Аргишти“.

Это обилие мелких клинообразных надписей, отмечающих имя владельца или заказчика предмета, невольно заставляет вспомнить слова урартских текстов, являющихся проклятием против тех «кто другой скажет — я создал это, кто мое имя разрушит и свое имя поставит».

В 1953 г. при раскопке помещений №№ 38 и 40 было найдено большое количество железных пластин от двух панцырей. В помещении № 38 было собрано 159 пластин с тремя отверстиями в верхней части, помещенными в

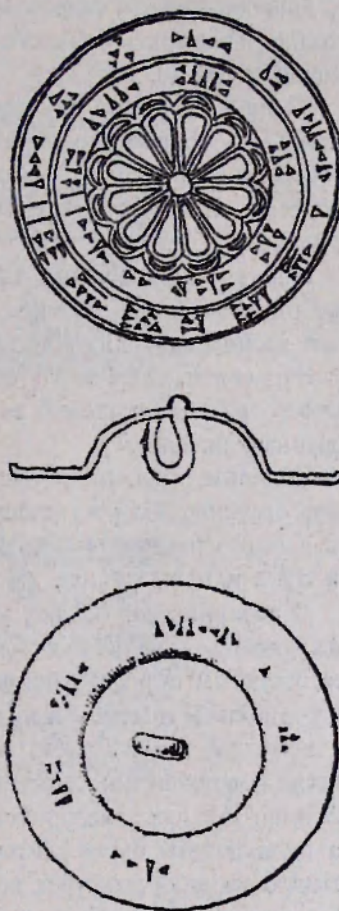

Рис. 25. Пуговица от панцыря с надписью Аргишти I.

ряд (дл. 3 см; шир. 1,8 см) и 13 пластин более крупного размера (дл. 4,8 см; шир. 2,2 см), последние, кроме трех отверстий сверху, имели еще по одному отверстию в правой своей части, расположенными немного ниже середины чешуйки. Повидимому, эти крупные пластины находились в нижней части панцыря.

Чешуйки второго панцыря, обнаруженного в верхней части помещения № 40 (в обвале верхнего этажа), несколько отличались от описанных. Мелких пластин (дл. 3 см; шир. 1,8 см) было собрано 150 штук, а более крупных (дл. 5,5 см; шир. 2 см) оказалось 20 штук, причем они имели только три отверстия, помещенные в средней части пластины. Эти чешуйки железных панцрей могут быть сопоставлены со скифскими панцрями, дошедшими в большом количестве, что подкрепляется также фактом находки железного кинжала-акинака вместе с пластинками панцыря в помещении № 38.

Ранние скифские панцыри (конца VII—VI вв.) составлялись и из бронзовых чешуек (раскопки А. А. Бобринского в Жаботине, 1913 г., № 524 и раскопки у сел. Смелы, 1904 г., № 432), имеющих два или три отверстия, иногда с добавочным отверстием в правой или левой части пластины.

Наряду с бронзовыми пластинчатыми панцрями у скифов были широко распространены железные панцыри, которые с V в. до н. э. становятся господствующим типом.

Эти связи урартского вооружения со скифским представляют для вопроса взаимоотношений скифов со странами древнего Востока первостепенный интерес.

Колчаны. В первом тысячелетии до н. э. лук, как один из основных видов оружия, был уже распространен по всему древнему Востоку, тогда как в более раннее время отчетливо различаются районы распространения лука или же копья¹.

В ассирийском войске, уже с древнейшего времени, известны два вида пехоты — тяжелая и легкая. К первой относились воины, игравшие, главным образом, оборонительную роль. Они были вооружены обычно копьем и мечом и имели щиты, превышающие по своим размерам человеческий рост. Легкая пехота состояла из лучников, пращников и воинов, вооруженных копьями, и играла активную роль в наступательном действии. Вся сила ассирийской пехоты состояла в том, что в ней эти два вида пехоты были слиты воедино. Боевое звено ассирийцев обычно состояло из двух или трех воинов — легко вооруженный лучник или же два лучника действовали под прикрытием воина, имевшего щит и вооруженного лишь копьем и мечом.

Среди луков, которыми были вооружены ассирийские воины, различаются два вида: один — деревянный, большого размера, с равномерным изгибом, другой — меньшего размера, с угловым выгибом в средней части. Повидимому, второй тип лука представлял собою составной

¹ Б. Б. Пиотровский, Военное дело (в древнем Двуречье). Очерки по истории техники древнего Востока. Изд. АН СССР, 1940, стр. 116—118.

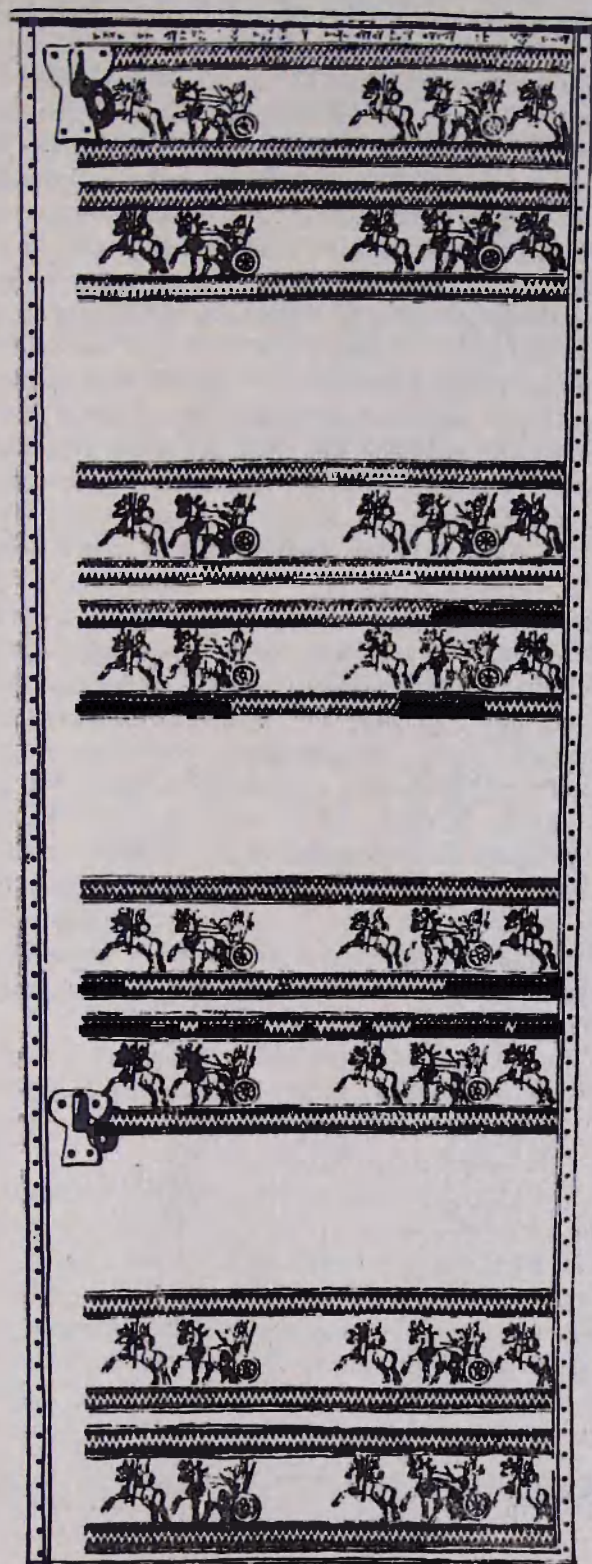

Рис. 26. Развернутое изображение колесниц и всадников на колчане.

лук, который, как это можно судить на основании клинописных текстов, изготовлялся из дерева, рога и металла. На одном рельефе из Куюнджика (Ниневии) имеется изображение натягивания лука двумя воинами, один из которых, упершись коленом, выгибает деревянную основу, другой же натягивает тетиву. Урартские луки известны нам плохо, но громадное количество бронзовых и железных наконечников стрел свидетельствует о том, что они были одним из основных видов вооружения. На каменной статуе из Вана изображен лук большого размера, но нижняя часть статуи, где помещено это изображение, сильно разрушена.

О закавказском луке первой четверти I тысячелетия до н. э. мы можем судить по изображениям на бронзовых предметах и керамике. Там наличны два типа луков — один в центральном Закавказье, крупный, другой же — в восточном Закавказье, сравнительно небольшого размера¹.

При раскопках Кармир-блур остатки луков пока что еще не обнаружены, но бронзовые колчаны для стрел известны в сравнительно большом количестве (12 штук). Кроме того, в 1948 г., в помещении № 13 была найдена доска, обтянутая кожей, возможно часть колчана. Вместе с ней обнаружен бронзовый наконечник стрелы с остатками тростникового древка.

Бронзовые колчаны представляли собою трубку длиной ок. 65—70 см, изготовленную из согнутой бронзовой пластины. В сечении колчан, как это можно видеть по бронзовым частям донца, не был овальным, одна его сторона была полукруглой, а другая сходилась углом. Не вся поверхность колчана была металлической, некоторая его часть, повидимому та, которая соприкасалась с туловищем воина, была кожаной. К металлической части, вверху и внизу прикреплялись кольца для ремня.

Колчаны украшались горизонтальными орнаментальными поясками, между которыми часто помещались изображения. Наиболее обычным орнаментальным мотивом являлись полосы, заполненные зигзагообразной лентой. Пространство между этой лентой и контуром пояска заполнено точками, что создает впечатление треугольников, отходящих от контура пояска, направленных вершинами внутрь.

Один такой колчан, с посвятельной надписью царя Аргишти I, был обнаружен в кладовой № 28 (Кармир-блур, II, стр. 35, табл. 16). Второй найден в 1940 г. в пом. № 12, а третий в 1945 году при раскопках жилища у северо-западных ворот цитадели.

Лучшие образцы урартских колчанов с посвятельными надписями Сардури, сына Аргишти происходят из помещения № 5 (раскопки 1940 г.) и помещения № 13 (раскопки 1948 г.). Они украшены восемью полосами с изображением всадников и боевых колесниц. В каждой полосе помещено по три всадника и по две колесницы. Таким образом, общее количество изображений на одном колчане доходит до 40.

В 1952 г. в помещении № 36 в куче различных предметов, засыпанных зерном и заваленных ветками, было обнаружено шесть, лежащих

¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Археология Закавказья. Изд. Ленинградского Госуд. университета, 1949, стр. 76.

друг возле друга колчанов, заполненных стрелами, в одном случае бронзовыми, во всех других — железными. Наличие железных стрел в колчанах привело к полному разрушению колчанов, настолько, что не представилось даже возможным не только прочесть посвятельные надписи у верхнего края, но и установить их украшения.

Только на двух колчанах сохранились остатки двухстрочных надписей. На одном читается 1)... [^dHal]-di-e e-ú-[ri-e]... 2)...[^mMe-pi]-a(?) -hi-pi-e..., а на другом различимы лишь два знака, в верхней строке знак ú, в нижней — i или še. Два колчана из этой группы были украшены простым орнаментом из полос с зигзагообразной линией, два других — изображениями всадников и колесниц. На остальных двух не оказалось даже возможным различить украшения. Среди мелких обломков этих двух колчанов удалось расчистить один обломок, на котором оказались остатки двух фигур. От первой сохранились только бычьи задние ноги и хвост, вторая фигура представляла собою фантастическое крылатое животное, с передней частью льва и задней быка — под фигурами орнамент из бутонов.

Последний обломок близок к части колчана, обнаруженной в каресе № 46 кладовой № 28. Этот колчан был украшен изображениями быков и львов (Кармир-блур, II, стр. 37).

Ассирийские изображения воинов дают большое число колчанов, анало-

Рис. 27. Ассирийский воин с луком и колчаном (рельеф во дворце Саргона).

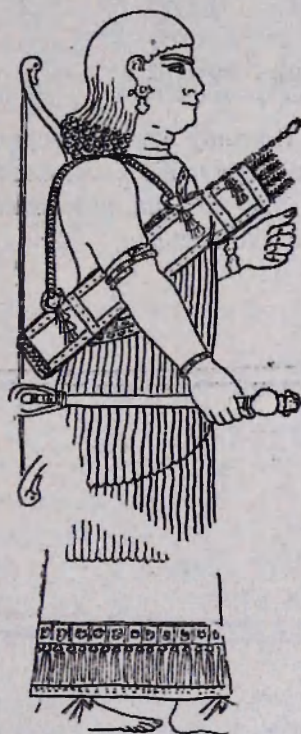

Рис. 28. Ассирийский воин из свиты Саргона (рельеф во дворце Саргона).

гичных урартским, они позволяют установить также и способ их ношения. У воинов во время битвы и в походе колчан, вместе с луком,

висит на левом плече, вверх отверстием, из которого торчат оперения стрел¹, но в парадных случаях он носится иным способом. Во дворце Саргона имеются изображения царя, за которым следуют его приближенные, несущие царское вооружение. В этом случае лук надет на левое плечо, а колчан перекинут через правое плечо, причем он висит не за спиной, а сбоку². В колчанах стрелы укладывались наконечниками вниз, сохранились также их древки, изготовленные как из ясеня так и из гростника. Стрел в колчане умещалось около 35—40 штук. Среди рассыпавшихся железных стрел из разрушенного колчана оказался сильно поврежденный бронзовый наконечник с клинописью в двух строках на одной из его сторон:

1) ^dHal-di-e, 2) ^mAr-giš-ti-še BA
«Богу Халди Аргишти подарил».

В колчане царя Сардури II, украшенном изображениями всадников и колесниц, среди 37 стрел с бронзовыми наконечниками три были отмечены короткими клинописными текстами, помещенными в четырех строках на обеих сторонах.

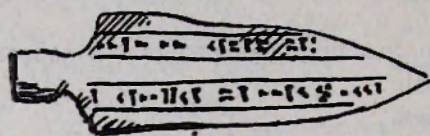

Рис. 29. Бронзовый наконечник стрелы с надписью Аргишти I (пом. № 36).

^dHal-di-e e-ú-ri-e ^mSAR₆-du-ri-še uš-tú-ni

«Богу Халди, владыке, Сардури подарил».

По типу эти бронзовые наконечники стрел с именем урартского царя Сардури II были близки закавказским, хотя и легко от них отличимы. Это плоские, заточенные с двух сторон стрелы с длинными черешками для насадки.

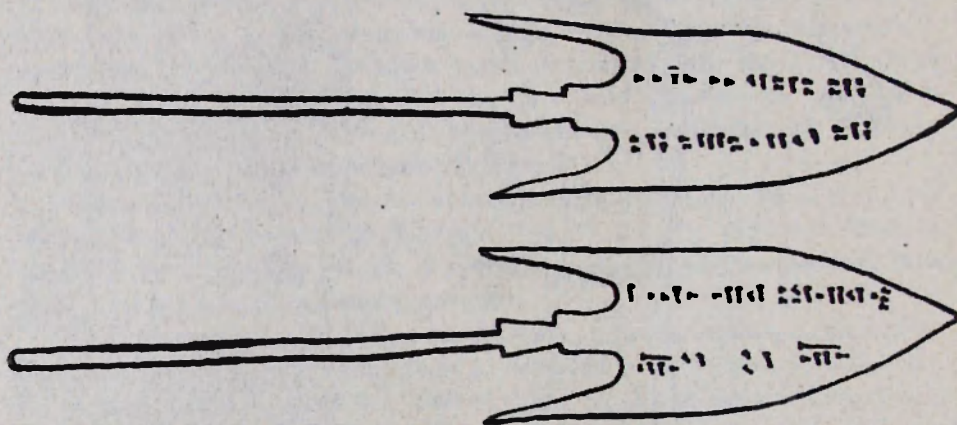

Рис. 30. Бронзовый наконечник стрелы с надписью Сардури II (пом. № 36).

Наряду с этим урартским типом наконечников стрел в раскопках цитадели встречаются и втульчатые трехгранные и двуперые бронзовые

¹ P. E. Botta, E. Flandin, Monument de Ninive. Paris, 1849, I, табл. 62, II, табл. 159; A. Paterson, Palace of Sinacherib, табл. 65—66, 71—73 и 99.

² Botta, Flandin, Monument de Ninive. I, табл. 13, II, табл. 105 и 117.

наконечники стрел скифского типа. Такими стрелами осыпали враги цитадель Тейшебаини при осаде, но они встречаются в кладовых крепости. Нет сомнения в том, что наконечники скифского типа употреблялись и в странах древнего Востока.

С этой стороны большой интерес представляет портативная бронзовая разъемная форма для отливки стрел, хранящаяся в Британском музее и происходящая из Мосула¹.

Форма состоит из шести частей и в ней одновременно можно отлить три наконечника — два трехгранных и один двуперый. Таким образом, форма этих наконечников (трехгранность и двуперость) определяется техникой отливки нескольких стрел в одной форме.

Урарты были хорошими стрелками из лука и у них, повидимому, проводились даже состязания по этому виду стрельбы. В Ване был найден камень с небольшой клинообразной надписью следующего содержания: „Аргишти, сын Руса, выпустил стрелу с этого места, перед лесом Гилурани, до сада Ишпилини, сына Багу, (на расстоянии) 950 локтей“ (УКН № 277).

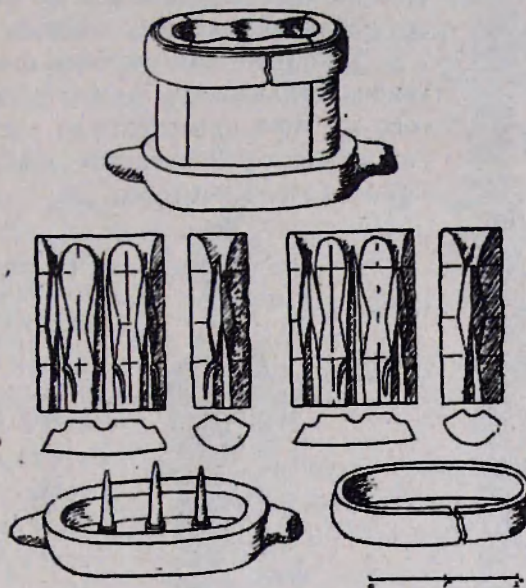

Рис. 31. Бронзовая форма для отливки стрел из Мосула (Брит. музей).

Таким образом, приведенный текст рассказывает о пуске стрелы на значительное расстояние, примерно на 490 м, что определенно подчеркивает высокие качества и силу урартского лука, так как полет стрелы на такое расстояние не может быть обеспечен обычным луком².

Мечи. В 1952 г. в помещении № 34, неподалеку от щита Аргишти I, был найден железный меч, длиной 0,73 метра, с бронзовой рукояткой характерной формы, украшавшейся, повидимому, деревянными накладками. Около меча лежал бронзовый наконечник ножен, украшенный тремя выпуклыми вертикальными полосами.

Подобный же меч, но значительно худшей сохранности, был обнаружен при раскопках 1948 г. в помещении № 13. Он также имел длину

¹ H. H. Coghlan, *Casting moulds made in Metall*, Man. LII, Nov. 1932, статья № 245, стр. 162—164.

² Saxton T. Pope, *A Study of bows and arrows*. Univ. of California publications in American Archaeology and Ethnology, v. 13, № 9, 1923, стр. 329—414.

около 0,73 метра (верхушка рукоятки обломана, а на его лезвии сохранился бронзовый наконечник ножен, подобный описанному выше (Кармир-блур, I, стр. 39, рис. 19). Около меча были собраны металлические части портупеи — кольцо диаметром 2,5 см и 12 небольших гвоздиков с полушаровидными головками, украшавшие ремень.

Эти два меча для археологии Закавказья представляют исключительный интерес, так как они в единичных экземплярах встречаются на широкой территории. Это обстоятельство не позволяет считать их характерными предметами вооружения закавказских племен.

Такой меч был опубликован Ж. де Морганом из раскопок могильника в Мусиери, по реке Дебед¹. Другой меч того же типа происходит из раскопок Н. Я. Марра, 1893 г., на знаменитом Ворнакском (ныне сел. Акнер) могильнике, между Ахпатом и Санаином.

Мечи описанного типа встречаются также на территории Грузинской ССР (Самтавро) и Азербайджанской ССР (Мингечаур)².

В настоящее время нельзя еще с полной уверенностью установить место изготовления этих железных мечей с бронзовой характерной рукояткой. Наиболее вероятным представляется мне их урартское происхождение. На каменной статуе, обнаруженной на Ванской скале и хранящейся в настоящее время в музее Грузии³, изображен висющий на левом боку длинный меч, имеющий по всей своей длине три выпуклые линии. Эти линии можно понять как украшение кожаных ножен меча, соответствующее тем трем вертикальным линиям, которые имеются на бронзовых наконечниках ножен Кармир-блурских мечей. Во всяком случае, эти железные мечи по своей форме не имеют ничего общего с бронзовыми мечами, известными в Закавказье в значительном количестве.

Рис. 32. Железный меч с бронзовой рукояткой (пом. № 34).

¹ J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, Paris, 1889. pl. III, I.

² М. М. Бадриашвили, Археологические памятники из сел. Сатовле. Вестник Гос. музея Грузии, т. XVII—Б, 1953, стр. 238, рис. 3, табл. 1, 4; С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, I, Баку, 1949, стр. 26, рис. 17.

³ Г. В. Церетели, Урартские памятники музея Грузии, Тбилиси, 1939, стр. 63, табл. XXX и XXXI.

Конский убор с надписями царя Менуа. В 1952 г. в помещении № 36 в куче различных предметов были обнаружены бронзовые части конского убора двух лошадей. Он состоял из пары удила с напускными трензелями (псалиями), пары налобных пластин, четырех колокольчиков, трех крупных блях без орнамента (диам. 11,2 см), пяти орнаментированных блях (диам. 9,5 см), восьми блях среднего размера (диам. 4,8 см) и шести мелких бляшек (диам. 2 см). Предметы были найдены кучно, без разделения на два комплекта.

Обращают на себя внимание удила (одни удила совершенно разрушены). Это хорошо известный тип широко распространенных по всему древнему Востоку удила¹. Они состоят из мундштука и напускных изогнутых трензелей с двумя парами полуколец для скрепления с уздечкой. На трензелях, в рамке, имеющей форму трапеции, вычеканена короткая клинообразная надпись:

ša me-pi-a «(царя) Менуа».

Эта надпись имеет важное значение для датировки типа удила (начало VIII в. до н. э.). В 1940 г. в помещении № 12 были найдены бронзовые удила, отличающиеся от описываемых тем, что их трензеля представляют одно целое с мундштучными частями². Они имеют близкие аналогии в находках из Ассирии и Египта.

Клинопись сохранилась и на одной из налобных пластин. В верхней ее части в двух строках, помещенных вертикально, имеется следующая надпись:

me-pi-a-i bitu^usur-iš(?)-hi «(царя) Менуа конюшня (?)». Слово šur-iš-hi, детерминированное знаком bitu «дом», представляет, повидимому, сокращенную форму от bitu^usur-iš-hu^u наподобие bitu^uur-iš-hi вместо bitu^uur-iš-hu^u (букв. «дом оружия»).

Налобная пластина по краю, за исключением закругленного нижнего, украшена двумя полосками, украшенными бронзовыми гвоздиками, многие из них вышали. На четырех выступах и на верхней части имеются отверстия для ее прикрепления к уздечке. Такие налобные пластины нам хорошо известны по скифскому материалу. В этой связи следует вспомнить большие по размеру пластины раннескифского времени (конец VII—нач. VI в. до н. э.) из Келермесских курганов.

Значительный интерес представляют массивные колокольчики (выс. 11 см), отлитые вместе с дужкой для подвешивания. Стенки колокольчика, имеющие вертикальную прорезь, украшены вертикальными выпуклыми полосками с елочным орнаментом. В одном случае сохранился железный язычок, скрепленный с колокольчиком через отверстие под дужкой бронзовой полоской.

Эти колокольчики широко распространены в Закавказье и встречаются также на Северном Кавказе. Они хорошо известны по раскопкам Г. Ф. Гобеджишвили в Раче, по Казбекскому кладу, встречены они и в

¹ H. A. Portratz, Die Pferdgebisse des zwischenstromlandischen Raumes, Archiv für Orientforschung, XIV, 1—2, 1941, 18; M. Wolff und D. Oplitz, Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst. AFO, X, 1936, рис. 4.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, рис. 60.

кургане у ст. Елизаветинской (Раскопки Н. И. Веселовского, 1913 г. ОАК —1913—1915, стр. 154). В последнем случае мы имеем находку в кургане предметов значительно более древних, чем весь комплекс, датируемый IV в. до н. э.

Нет сомнения в том, что описанные массивные колокольчики заслуживают специального изучения.

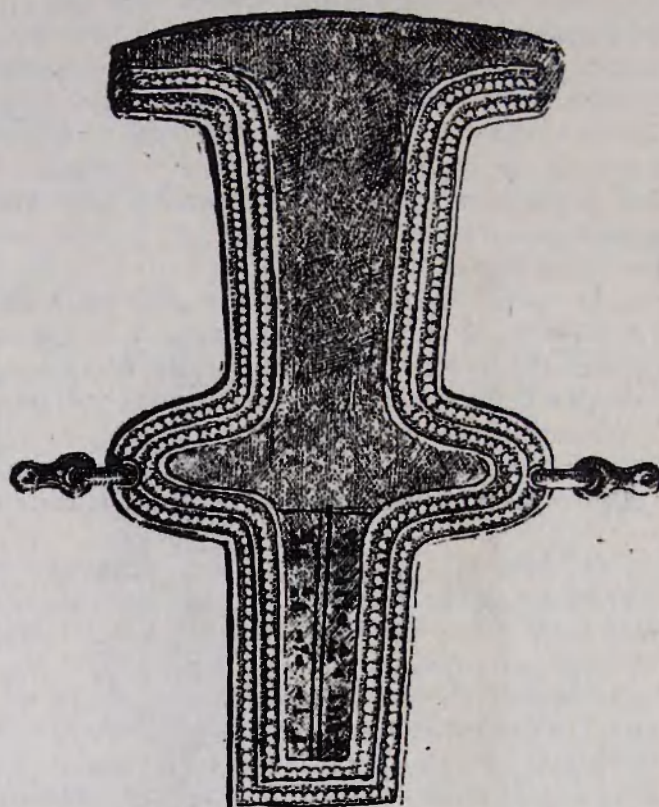

Рис. 33. Бронзовый налобник с надписью Менуа.

Как было указано выше, среди предметов конского убора находились бляшки четырех видов. Наиболее крупные представляли собою немного выпуклый диск, с рельефным пояском по краю и выступом в центре. Другие бляшки той же формы, но меньшего размера украшены тремя концентрическими полосами, заполненными точками, выдавленными с обратной стороны. В бляшках обоего вида петля для прикрепления связана с центральным выступом.

Бляшки среднего размера и мелкие имеют выпуклую среднюю часть. На одной из них, на оборотной стороне различимы следы короткой клинообразной надписи.

ša "Me-pi-a «(царя) Менуа».

Удила конского убора, принадлежавшего царю Менуа, как указывалось, принадлежат к широко распространенному виду древневосточных

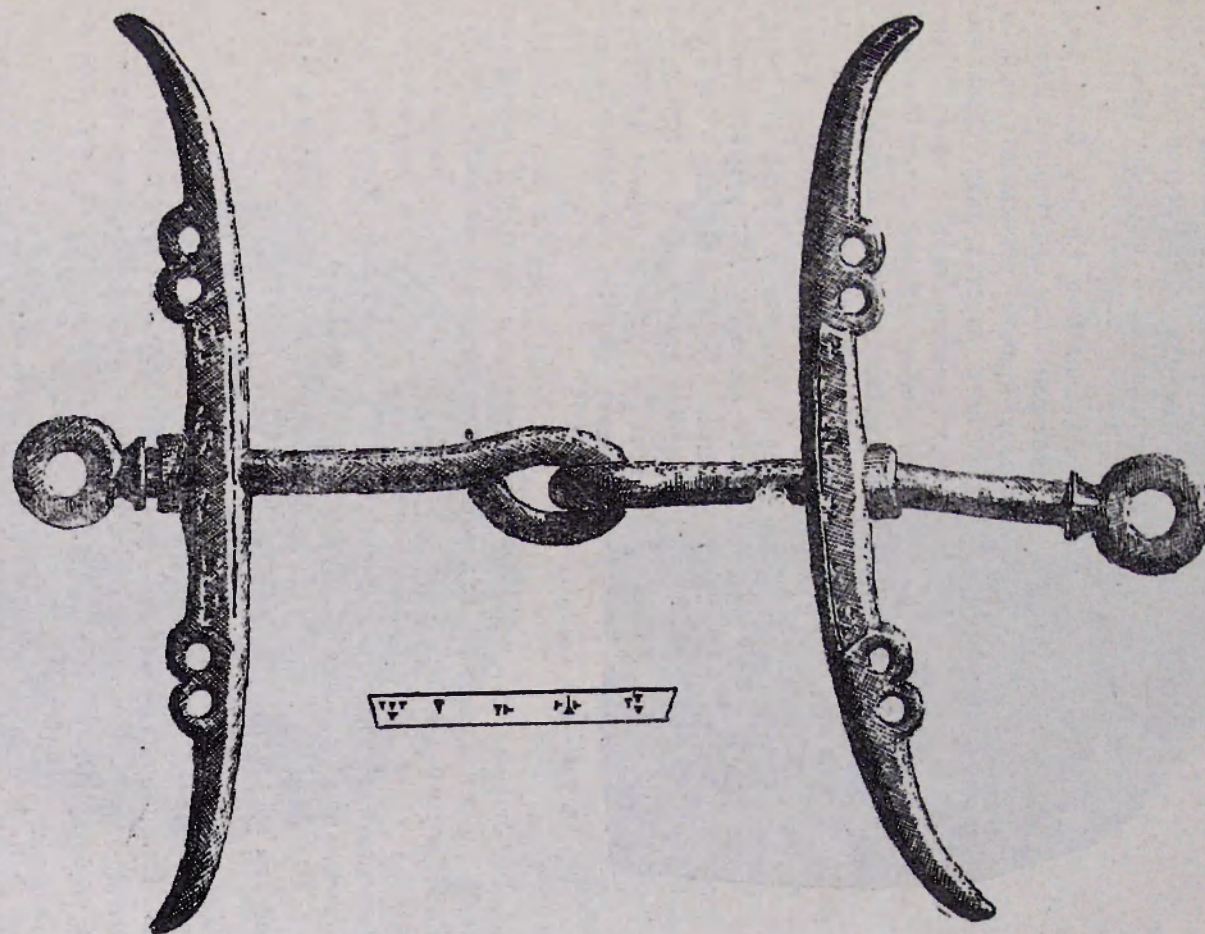

Рис. 34. Бронзовые удила с надписью царя Менуа (пом. № 36),

удил. Раскопки в восточном Закавказье (Арчадзор, Мингечаур и др.) дают нам большое количество подобных образцов.

К более раннему типу древневосточных удил, изображенных на рельефах дворца Ашурнасирапала II, относятся удила с плоскими напускными псалиями¹, с тремя отверстиями для ремней, два из них по краям предмета и третье около отверстия для мундштука. Такие удила известны из Севанского района по старым находкам и по раскопкам А. О. Мнацаканяна в сел. Астхадзор в 1951 г.

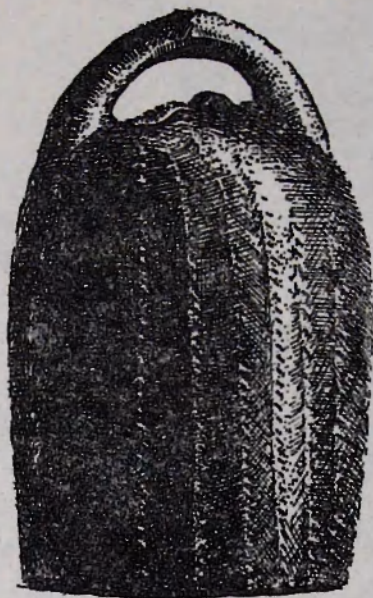

Рис. 35. Бронзовый колокольчик.

Лошадь в Урарту была распространенным домашним животным, причем отдельные районы Ванского царства даже славились своим коневодством. В тексте, описывающем восьмой поход Саргона, указывается, что в провинции Суби, на восточном побережье оз. Урмии, специально разводились верховые лошади и оттуда доставлялись жеребцы для урартской конницы. «Люди, живущие в этой области, — рассказывает текст, — во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы»².

В местности Сигкех, к северо-востоку от Вана, где в середине века находился ипподром армянских князей, был найден камень с коротким клинообразным текстом: «...Менуа, сын Ишпуини, говорит: с вот этого места конь по имени Ардиби (Арциви), под Менуа, прыгнул 22 локтя»³. Таким образом, этот текст отмечает спортивное достижение урартского царя в конной езде. Конь под ним прыгнул на 22 локтя, т. е. на расстояние около 11,4 м.

Раскопки на Кармир-блуре дополняют приведенную надпись и дают нам представление об уборе коня Менуа.

Бусы и мелкие украшения

При раскопках Кармир-блуре часто встречаются бусы и мелкие подвески — украшения из камня, прозрачного и цветного стекла, «фаянса»⁴ и раковин. Иногда их находят большими скоплениями на полу помеще-

¹ Н. А. Portratz, Ук. соч., рис. 2—4. Удила из Ашура.

² И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории, 1951, № 2, стр. 326, 49 (167).

³ И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике. Эпиграфика Востока, IV, 1951, стр. 115—116.

⁴ Термином «фаянс» я условно называю пасту, пористую керамическую массу, покрывавшуюся глазурью.